

УДК 81.139

**КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОРИЗАЦИИ
В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ**

А. М. Муминов *Кандидат филологических наук, профессор,
Узбекский государственный
университет мировых языков,
г. Ташкент, Узбекистан*

**CONTRASTIVE ANALYSIS OF METAPHORIZATION
IN DIFFERENT LANGUAGES**

A. M. Muminov *Candidate of Philological Sciences, professor,
Uzbek State University of World Languages,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. The article is devoted to the contrastive analysis of metaphORIZATION in different non-related languages, particularly in English and Uzbek languages. A metaphor has national and cultural peculiarities which show that the non-coincidence of metaphorical transference of meaning is the result of national-cultural properties of these languages.

Keywords: metaphORIZATION; contrastive analysis; non-related languages; national-cultural; associative fields; extra-linguistic factors; evaluative meaning; intercultural communication; sememe; conceptual metaphor; nomination.

Повышенный интерес к контрастивной лингвистике объясняется не только её причастностью к решению собственно теоретических проблем отдельных языков, но и тем, что она непосредственно связана с потребностью выявления универсальных черт языкового материала, теорией и практикой перевода, значима для практики составления двуязычных словарей, обучения иностранным языкам. Именно потребность в расширении преподавания иностранных языков в современную эпоху обусловила необходимость контрастивного изучения языков, и именно поэтому контрастивная лингвистика возникла в эпоху глобализации и межкультурной коммуникации. Профессор И. А. Стернин [7, с. 23–45] утверждает, что контрастивная лингвистика имеет свою, особую цель в исследовании языков – выявление различий, свой метод изучения языка и своё практическое применение в методике преподавания иностранных языков.

Метафоризация – один из способов смыслового развития, состоящий в том, что лексическая единица, обо-

значая новый предмет, – открытый или изобретённый («переносное», производное значение) – продолжает сохранять связь со старым предметом («прямое», производящее значение); при этом оба в каком-либо отношении сходны. Ср.: *барабан* – деталь машины и музыкальный инструмент, *fox* – животное и хитрый человек. Метафоризованное слово как носитель нового производного значения представляет собой научно-технический термин, его же прежнее, производящее значение является компонентом общенародного языка.

Как известно, метафоричность характера для подавляющего большинства языков мира фактически является семантической универсалией. Однако это средство используется в разных языках по-разному. В настоящее время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, то есть имеет свой специфичный способ его концептуализации. Это значит, что в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира.

Изучение зафиксированной в языке картины мира осуществляется в разных направлениях, на основе различных научных подходов. Особое внимание исследователей привлекает метафора, в которой, по справедливому замечанию Н. Д. Арутюновой [1, с. 5–22], стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания образа мира.

Проблемы развития переносного значения и выявление сходств и различий общего характера в метафоризации слов в русском и французском языках отражены в монографии В. Г. Гака [4, с. 5–17]. Подобные исследования проводились и на материале русского, немецкого, английского, эстонского и других языков [8, с. 166]. К сожалению, число работ, специально изучающих сравнительную метафоричность языков, остаётся небольшим [2, с. 26–31, 4, с. 5–17, 5, с. 53–56]. Контрастивный анализ метафоризации в разных неродственных языках находится ещё на начальном этапе развития, т. е. работ, посвящённых данной проблематике, сравнительно немного.

И если сопоставление различных языковых систем уже имеет сложившуюся традицию в лингвистиках разных стран, то сравнение метафоризации в национальных языковых картинах мира стало проводиться сравнительно недавно.

Цель работы заключается в рассмотрении явлений метафоризации как фрагмента национальной картины мира в разных неродственных языках.

Национальная специфика может проявлять себя:

1) на уровне лексем, когда из двух соотносимых единиц сопоставляемых языков, совпадающих по исходному значению, метафорическое значение имеется только в одном из них, а в другом метафоризации не наблюдается;

2) на уровне семем, когда соотносимые лексемы метафоризируются в обоих языках, но имеют отличия в количестве производных семем и/или направлении метафоризации;

3) на уровне сем, когда соотносимые метафорические семемы имеют отличия в составе сем.

Наиболее широко представлена национальная специфика второго типа.

Анализ материала показал, что метафора часто используется как средство оценки тех или иных качеств – черт характера, внешности. Например, у – *лайлак* (он – высокий человек). Оценочность метафоры имеет национально-культурную специфику, которая обуславливает несовпадение картин мира и тем самым отличие в метафорическом переосмыслении ряда значений. Разные языки находят в животных и растениях отличные свойства и качества, которые за ними закрепляются и переносятся на человека для его образной оценки. Например: английский *bear* (злой, грубый, уродливый человек-увалень, бестактный человек, неотёсанный, невоспитанный) и узбекский *айиқ* (бестактный человек, грубый, невоспитанный), *goose* (глупый, легкомысленный), *ғоз* (высокомерный, самоуверенный человек).

Таким образом, в языках разных систем тождественные зооморфные номинации имеют следующие различия в значениях: слова *bear* и *goose* в английском языке имеют оценку внутренних качеств человека (характеристику особенностей воспитания и поведения), в то время как узбекские *айиқ* и *ғоз* характеризуют в основном особенности внешности.

Подобные расхождения в метафорическом переносе являются результатом национально-культурной специфики, поскольку тот или иной образ животного имеет свою символику в различных языках.

Например, в узбекском языке такая отрицательная черта человека, как глупость приписывается следующим представителям фауны: *эшак* (осёл), *товуқ* (курица), а в английском *bat* (летучая мышь), *goose* (гусь), *fish* (рыба), *sheep* (овца), *pig* (свинья) и др.

Другим ярким показателем национально-культурной специфики метафоричности в английском языке является употребление традиционных собственных имён в составе фразеологических единиц с целью выражения пренебрежительного отношения к человеку. Например, *to rob Peter to pay Paul* (поддерживать одно в ущерб

другому), *raise Cain* (начать буяннить, скандалить), *sham Abraham* (притворяться больным, симулировать), *Simon Puge* (лицемер), *calamity Jane* (пессимист, паникёр), *Joseph Surface* (лицемер), *nice Nelly* (ханжа, педант), *Nosey Parker* (человек, который всюду суёт свой нос).

You're a bungler, Pelissier! An old stinker is what you are an upstart in the craft of perfumery, and nothing more (Suskind P. Perfume. The Story of a Murderer). (Ты халтурщик, Пелисье! Вонючий хорёк! В парфюмерном деле ты выскочка, и больше ничего!).

Mr. Jacobs himself, familiarly blown as Old Goggles, from his habit of wearing spectacles, imposed no painful awe... (Eliot G. The Mill on the Floss). (Сам мистер Джейкобз, которого мальчики называли между собой Старый Очкарик, не внушал ему ни страха, ни почтения...) [6, с. 3–26].

Не вызывает сомнения важность изучения варьирования метафорических систем от языка к языку как для теоретических изысканий, так и для практики преподавания. Исследователи метафоры [4, с. 5–17, 5, с. 53–56] отмечают, что одно и то же понятие может иметь в одном языке прямое, а в другом метафорическое наименование. Кроме того, сам удельный вес в языке и речи метафорических образований в разных языках может быть различен. Это легко можно заметить при переводе слов. Слово в переводе не сохраняет тот переносный смысл, который оно имеет в языке в оригинале. Каждый язык обладает своими образными выражениями. Например, название домашних животных метафоризируется в различных языках и разные образы связывает с ними та или иная языковая культура. Это зависит от того, какая сема в характеристике того или иного денотата выдвигается на первый план. В русском языке *баран* – в первую очередь глупый человек, в узбекском языке же *қўй* – усердно работающий, терпеливый человек, в английском языке *sheep* – робкий, застенчивый человек, в немецком языке *schwein* обозначает в переносном смысле нечистоплотного человека, в русском же – не только физически неопрят-

ный, но и морально нечистоплотный человек, в узбекском *чўчка* – грязный, непослушный человек, в английском – нахальный человек и т. д. Исследователи [3, с. 163–249, 5, с. 53–56] утверждают, что очень многие метафоры повторяются от языка к языку вне зависимости от их генеалогического родства, грамматической структуры или типа. Некоторые метафоры можно представить в виде изоглосс или изосем, связывающих лишь определённые языковые общности. Количество же метафор, не имеющих параллелей, чрезвычайно мало по отношению к общему числу единиц, вовлечённых в исследование.

Можно предположить, что определённые ассоциативные поля вряд ли характерны для всего человечества, но и не принадлежат исключительно одному языку, они являются составной частью языковой картины мира, одной из культурных общностей [3, с. 163–249]. При сопоставлении английского, немецкого, русского и узбекского языков выявляется довольно много общих метафор, которые можно разбить на две большие группы. Имеются метафоры, выходящие к единым культурным истокам. И в русском, и в узбекском, и в немецком, и в английском языках для обозначения идеи «заработать себе на жизнь» используются метафоры со словом «хлеб» – русский: *иметь свой кусок хлеба*, немецкий: *einsicheres Brotheben*, английский: *make once bread*, узбекский: *нон топубемоқ*. В китайском же для передачи этого значения служит выражение *файн-вайн* – пиала для риса, чашка для риса. Такое различие объясняется неравноценностью роли соответствующих продуктов в жизни разных народов. Один и тот же образ может быть использован в разных значениях, например, *John is a rock* может означать «он тихий», «не двигается», или он может означать в другой культуре «тот, который не может говорить», или же в другой культуре он может иметь значение «он всегда там». В некоторых же культурах он имеет значение «он очень сильный». Интересно отметить тот факт, что даже в генетически родственных языках метафоричность называния одного и того

же животного отличается, например, в узбекском и туркменском языках, когда слово *қўчқор* метафоризируется, имеет положительное значение, однако в туркменском языке оно может употребляться также к красивой женщине: *бозгач*, – явление, которое не характерно для узбекского языка. Метафоры совпадающие, либо вследствие аналогического протекания психологического процесса ассоциации параллельные образования, либо вследствие заимствования эти два процесса часто трудно отличить и обозначать. Например, и в русском, и в узбекском, и в немецком языках для метафорического обозначения чего-то извилистого применяется ассоциация с телом змеи. Русский: *по полю змеется тропинка*, узбекский: *даладаги илонизли йўл*, немецкий: *derpfadschlangeltsichdurchwie se*. В китайском языке *сиадао* – извилистая тропинка (бараньи кишки плюс тропинка). Различия в корпусах метафор сравниваемых языков могут быть объяснены по-разному: с одной стороны, выделяется группа метафор, обусловленных национально-культурными особенностями перевода носителя языка. Например, английский: *stocky-bear* – сотрудник полиции штата, *lame-duck session* – сессия неудачников, *fat cat-bear* – финансирующий избирательную кампанию, *road-company* – гастролирующая группа и т. д.).

Обладая общими чертами в современной культуре, сходными религиозными праздниками и обрядами, близкими психологическими установками в восприятии окружающего мира, русский, немецкий, английский имеют свою, уникальную историю развития и свои особенности в интерпретации культурных традиций, что находит своё отражение в метафорическом фонде. Так, возникают метафоры, ассоциативной основой которых служит определённое событие в истории страны, с другой стороны, можно выделить группу метафор, раскрытие которых не требует особого культуроведческого комментария. Здесь можно наметить следующие причины расхождений: выбор денотата или его признака, с которым устанавливается ассоциативная связь (в русском – *шапка стены*,

в немецком – *der korfder zeitung*): метафорическому наименованию в одном языке соответствует нейтральное, в другом – не соответствует (немецкий: *derkorfeinesdriefbogens* – верная часть конверта).

Следует учитывать и тот факт, что слова, являющиеся переводными эквивалентами, могут по-разному метафоризироваться в разных языках, например, в русском языке коза – *бойкая девочка*, *девушка*, в немецком *zige* – худая, некрасивая женщина, в узбекском *эчки* – худой человек, в английском же *to get somebody's goat* – раздражать, сердить кого-то; *to play the goat* – вести себя глупо, валять дурака. В английском языке *cat* – сварливая и недоброжелательная женщина, сплетница, в узбекском языке *мушук* – маленький, худой человек. В процессе существования англо-американского языкового сообщества под влиянием экстралингвистических факторов происходят изменения в понимании времени: содержательная структура концепта времени подвергается трансформациям, которые затрагивают фундаментальные основы концепта времени. Возникают концептуальные метафоры: *time is a resource*, *time is a commodity*, *time is money*. Распространение в современную эпоху телекоммуникаций и компьютерных технологий приводит к возникновению новой, техноцентричной концептуальной метафоры времени: *time is a virtual entity*.

Проведённое исследование показало, что метафорическая система сравниваемых языков близка, но каждая обладает своей спецификой. Изучение особенностей метафор в разных языках необходимо для того, чтобы избежать прямого перевода или ассоциативных путей и основ из родного языка в иностранный.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс (теория метафоры). – М., 1990. – С. 5–22.
2. Будагов Р. А. Метафора и сравнение в контексте художественного целого // Русская речь. – 1973. – С. 26–31.
3. Вайнрайх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. – М., 1970. – Вып. 5. – С. 163–249.

4. Гак В. Г. О контрастивной лингвистике (Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. – Вып. XXV (Контрастивная лингвистика). – С. 5–17.
5. Которова У. Г. Национально-культурное и языковое своеобразие метафорики немецкого и русского языка. В кн: Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – М., 1982.
6. Рамазанова А. Б. Категория дерогативности в разносистемных языках: семантика и функционирование : автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Махачкала, 2011. – С. 3–26.
7. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. – М. : Восток-Запад, 2006.
8. Троянова Т. Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках (на материале имён существительных). – Тарту, 2003. – С. 166.
2. Budagov R. A. Metafora i sravnenie v kontekste hudozhestvennogo celogo // Russkaja rech. – 1973. – S. 26–31.
3. Vajnrjajh U. O semanticheskoj strukture jazyka // Novoe v lingvistike. – М., 1970. – Вып. 5. – S. 163–249.
4. Gak V. G. O kontrastivnoj lingvistike (Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – М., 1989. – Вып. XXV (Kontrastivnaja lingvistika). – S. 5–17.
5. Kotorova U. G. Nacionalno-kulturnoe i jazykovoje svoeobrazie metaforiki nemeckogo i russkogo jazyka. V kn: Voprosy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh jazykov. – М., 1982.
6. Ramazanova A. B. Kategorija derogativnosti v raznosistemnyh jazykah: semantika i funkcionirovanie : avtoref. diss. ... kand. fil. nauk. – Mahachkala, 2011. – С. 3–26.
7. Sternin I. A. Kontrastivnaja lingvistika. – М. : Vostok-Zapad, 2006.
8. Trojanova T. Antrocentricheskaja metafora v russkom i jestonskom jazykah (na materiale imjon sushhestvitelnyh). – Tartu, 2003. – S. 166.

Bibliograficheskij spisok

1. Arutjunova N. D. Metafora i diskurs (teorija metafory). – М., 1990. – S. 5–22.

© Муминов А. М., 2014